

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В РАМКАХ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сегодня под глобализацией многие исследователи понимают многоплановый объективный «всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему» [7, с. 1]. Однако глобализация проявляет себя также и в других сферах международного сотрудничества: в политической, культурной, экологической и др. Кроме того, становится все более заметным возрастающее воздействие глобализации на сферу права, «глобализация оказывает существенное влияние на трансформацию, изменения и модернизацию государственно-правовых институтов, норм и отношений на всемирном, макрорегиональном и внутригосударственном уровнях, стимулирует, ускоряет и обновляет процессы универсализации в области права» [10, с. 38]. Как было справедливо отмечено М.Н. Марченко, глобализация влияет не только на изменение сущности права, на его источники или формы, но и воздействует на его содержание, на его институциональную и функциональную часть, а также на стоящие перед ним цели и задачи, на его назначение; глобализация также оказывает определенное влияние на правотворчество, правоприменение и правоохранение [9, с. 268–275].

Воздействию процесса глобализации подвергаются все правовые системы без исключения. Если же принять во внимание, что национальная правовая система как информационно-регулятивная система общества, определяемая социально-экономическим строем, состоит из взаимообусловленных элементов (законодательство, правоприменение, правосознание), объединенных статическими и динамическими отношениями в структурно упорядоченное целостное единство [5, с. 178], то можно с уверенностью говорить о том, что процесс глобализации, оказывая прямое и опосредованное воздействие на элементы национальных правовых систем, приводит к интенсификации международного взаимодействия этих систем, которое уже давно воспринимается как «глобальное юридическое явление» [11, с. 11].

Основы такого рода взаимодействия заложены в самих правовых системах. По сути, природа всех национальных правовых систем одинакова, поскольку тип экономических отношений (экономический базис) определяет главные компоненты политико-юридической надстройки – право и государство, а многие факторы экономических отношений являются объективными и общими для большинства государств. Кроме того, глобализация экономики, которая сегодня воспринимается как одна из закономерностей мирового развития, вносит существенный вклад в процесс экономической интеграции, иными словами, социально-экономическая интеграция напрямую влияет на характер взаимодействия национальных правовых систем.

Основным следствием в данном отношении является конвергенция правовых систем, которая проявляется прежде всего в стандартизации законодательств. В результате процессов унификации и гармонизации внутренних правовых порядков происходит интернационализация и глобализация права в целом, то есть речь идет о формировании единого глобального правового пространства, иногда даже отмечается, что «человечество стоит на пороге создания новой модели права – мировой глобальной правовой системы» [16, с. 86].

Различают три основные формы взаимодействия правовых систем: *ассимиляция*, *интеграция* и *конвергенция*, выделяя в качестве отдельных процессов *правовую аккультурацию* и *дивергенцию*. Однако большинство исследователей, говоря о взаимодействии или о взаимовлиянии национальных правовых систем, обычно имеют в виду процесс их сближения, хотя вкладывают в это понятие различный смысл.

Например, по мнению И.И. Лукашука, сближение правовых систем представляет собой процесс *интернационализации права*, который означает «прежде всего сближение политических и правовых систем государств, углубление их взаимодействия, взаимного влияния» [8, с. 260]. С.В. Бахин полагает, что «сближение систем национального права выступает как составная часть более широкого явления, которое может быть названо “правовой интеграцией”» [3, с. 21]. Другие исследователи, например С.С. Алексеев, считают, что «сближение – лишь внешнее проявление более глубоких процессов, преобразующих мир права, которые могут быть названы “правовой конвергенцией”» [9, с. 225], которая понимается в широком смысле, то есть как развитие правовых систем в одном направлении, в результате чего происходит «взаимное обогащение права в различных ареалах и в конечном итоге – своеобразная интеграция в праве, при которой соединяются в единые правовые образования, в целостные юридические конструкции преимущества и достижения раз-

личных сфер права, разных систем» [1, с. 225]. Существует также и узкий подход к определению понятия *конвергенция*, например Е.В. Скурко рассматривает его как «феномен и процесс возникновения сходных и одинаковых явлений в правовых системах различных государств, взаимоподобие отдельных элементов правовых систем и правовых систем в целом» [12, с. 69].

Вне зависимости от того, как понимается процесс сближения национальных правовых систем, необходимо отметить, что эффективное и целенаправленное взаимодействие может осуществляться только при помощи международно-правовых средств, поскольку «вне международных обязательств, которые принимают на себя государства, создание эффективных правовых регуляторов в виде единых и единообразных нормативных предписаний невозможно» [3, с. 12]. В то же время применение таких средств полностью зависит от того, какая доктрина принимается во внимание государственными органами в процессе разработки и принятия законодательных актов, регулирующих порядок применения норм международного права в пределах национальной юрисдикции, даже несмотря на то, что государства, являясь суверенными субъектами международного права, официально не связывают себя какой-либо теорией.

Традиционно различают две концепции взаимодействия международного и национального (внутринационального) права: монистическую и дуалистическую. В соответствии с концепцией монизма внутреннее право и международное право входят в единую правовую систему и выступают в качестве отдельных элементов одного правопорядка, основанного на общем базисе. По этому поводу В. Леви отмечал: «Монисты утверждают, что концептуально право одно для всех правовых систем. Все право, в конце концов, адресует себя индивидам. А все отношения, в конечном итоге, являются отношениями между индивидами, не считая социальных сущностей, в которые эти индивиды могут быть организованы» [20, с. 23].

Дуалистическая концепция исходит из того, что системы международного и внутригосударственного права имеют различный предмет регулирования и, являясь элементами самостоятельных правопорядков, никогда не пересекаются. Так, Я. Броунли указывал, что с точки зрения дуализма «международное право – это право между суверенными государствами; внутригосударственное право применяется в пределах государства и регулирует отношения граждан друг с другом и с исполнительной властью. С этой точки зрения ни один из этих правопорядков не может создавать или изменять нормы другого» [17, с. 31–32].

Обе концепции, монистическая и дуалистическая, внутренне не однородны. Так, монистическая концепция распадется на два направления:

монизм с приоритетом международного права (международно-правовой монизм) и монизм с приоритетом внутригосударственного права (государственно-правовой монизм).

К сторонникам первого направления (международно-правовой монизм) относится, например, Г. Кельзен, который писал, что «государства действительно компетентны под влиянием общего международного права регулировать в принципе все вопросы, которые могут быть урегулированы в ограниченном порядке в их территориальной сфере; но они сохраняют эту компетенцию только в той степени, в которой международное право непосредственно не регулирует существо отдельного вопроса» [19, с. 242]. Иными словами, внутригосударственное право и международное право представляют собой единую систему норм, основанную на иерархии правопорядков, юридическая сила которой определяется базовой нормой международного права, то есть национальный правопорядок подчинен более высокому – международному. В итоге, как отмечает Г.И. Курдюков, такая разновидность монизма «ведет к мондиализму и образованию мирового права» [5, с. 32].

Взгляды сторонников второго направления монизма (государственно-правового) основываются на работах Г. Гегеля, который указывал, что «внешнее государственное право происходит из взаимоотношений самостоятельных государств; поэтому то, что есть в нем в себе и для себя, получает форму долженствования, потому что его действительность зависит от различных суверенных волей» [4, с. 425–426], то есть механизм реализации международных норм при этом полностью зависит от усмотрения государства. В современной доктрине международного права эта концепция не пользуется популярностью.

Дуалистическую концепцию можно также разделить на два направления – *ортодоксальный дуализм* и *умеренный дуализм*. Основоположителем ортодоксального дуализма (то есть дуалистической теории в целом) является Г. Трипель, по его мнению, «международное и внутригосударственное право – суть не только различные отрасли права, но и различные правопорядки. Это два круга, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются» [21, с. 110].

В отличие от ортодоксального дуализма, умеренный дуализм допускает, что оба правопорядка (международный и внутригосударственный) могут отсылать друг к другу. Кроме того, утверждается, что международное право может связывать национальные правопорядки. Например, по мнению Ч. Хайда, «международное и внутригосударственное право – это различные правовые системы, но они тесно между собой связаны: их нормы могут регулировать одни и те же предметы, дополнять друг друга

и коллидировать между собой» [14, с. 77–78]. Теория умеренного дуализма закрепляет дуализм права с приоритетом международного права и основана на постулате Д. Анцилотти о том, что «международное право имеет в своем основании принцип, которому подчинена воля государства» [2, с. 31].

Умеренное направление также можно выделить и в рамках монизма. Например, А. Фердрос называет свою теорию «умеренным монизмом на основе примата международного права», он указывает, что «правовой действительности может соответствовать лишь такая теория, которая хотя и признает, что между правом международным и внутригосударственным правом возможны конфликты, но все же сознает, что эти конфликты не окончательны по своей природе и находят свое решение в единстве правовой системы. Эту теорию я называю умеренным, или расчлененным, монизмом на основе примата международного права, поскольку данная теория сохраняет различие права международного и внутригосударственного права, но в то же время подчеркивает их взаимосвязь в единой правовой системе на основе конституции международного правового сообщества» [13, с. 89–91].

Обе концепции (монизм и дуализм) критиковались представителями *теории координации*. Так, Дж. Фицморис утверждал, что «формально международное и внутреннее право как системы не могут вступить в конфликт. Может иметь место нечто совершенно иное, что можно назвать конфликтом обязательств или неспособностью государства действовать во внутреннем плане так, как это предписывается международным правом» [18, с. 79].

Сегодня многие сторонники рассмотренных концепций сходятся в том, что национальное и международное право, представляя собой различные правовые порядки, находится в постоянном взаимодействии, «происходит углубление взаимодействия двух правовых систем, а не стирание границы между ними» [6, с. 117].

Указанное обстоятельство, в свою очередь, определяет сущность и специфику процесса международного взаимодействия национальных правовых систем. Именно международное право, находясь в процессе взаимодействия с внутринациональным правом, способствует взаимопроникновению элементов национальных правовых систем, а также напрямую воздействует на процесс их взаимного сближения и образования взаимосвязей. Глобализация, воздействуя на содержание этого процесса, на его институциональную и функциональную части, придает ему объективный характер, поскольку системная интеграция является основным процессом взаимодействия систем между собой.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 2000.
2. Анцилотти, Д. Курс международного права / Д. Анцилотти. – М. : Иностранная литература, 1961.
3. Бахин, С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: Унификация и гармонизация права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / С.В. Бахин. – СПб., 2003.
4. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М., 2007.
5. Курдюков, Г.И. и др. Методология исследования теоретических проблем международного права / Г.И. Курдюков и др. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1986.
6. Лукашук, И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И.И. Лукашук // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 115–128.
7. Лукашук, И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И.И. Лукашук. – М. : Спарк, 2000.
8. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть : учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И.И. Лукашук ; Рос. акад. наук ; Ин-т государства и права. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2007.
9. Марченко, М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2011.
10. Нерсесянц, В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире / В.С. Нерсесянц // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 38–47.
11. Рубанов, А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем / А.А. Рубанов. – М. : Наука, 1984.
12. Скурко, Е.В. Некоторые аспекты проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации / Е.В. Скурко // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 69–72.
13. Фердросс, А. Международное право / А. Фердросс. – М. : Иностранная литература, 1959.
14. Хайд, Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки / Ч. Хайд. – М. : Иностранная литература, 1950. – Т. 1.

15. Швакин, С.В. Системный подход и понятие правовой системы / С.В. Швакин // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. – 2010. – № 10 (47). – С. 168–181.

16. Щербакова, Н.В., Лукьянова, Е.Г., Скурко, Е.В. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции : обзор материалов «круглого стола» / Н.В. Щербакова, Е.Г. Лукьянова, Е.В. Скурко // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 86–92.

17. Brownlie, I. Principles of Public International Law. Seventh Edition / I. Brownlie. – Oxford University Press, 2008.

18. Fitzmaurice, J. The General Principles of International Law Considered from the Standpoint of the Rule of Law / J. Fitzmaurice // 92 RdC (1957-II) 5. – P. 70–80.

19. Kelsen, H. Principles of International Law / H. Kelsen. – The Law-book Exchange, Ltd., 2003.

20. Lewi, W. Contemporary International Law. A Concise Introduction. Second Edition / W. Lewi. – Westview Press, 1991.

21. Triepel, H. Droit international et droit interne / H. Triepel. – A. Pédone, 1920.

УДК 347

С.Г. ШЕВЦОВ
г. Краснодар

ПРОБЛЕМЫ УСМОТРЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ЧАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Усмотрение является центральной категорией гражданского права, обусловленной самой сущностью правового регулирования отношений в указанной сфере. Категория усмотрения проявляется в массиве гражданско-правовых норм. Рассмотрим существующие классификации норм права, чтобы определить среди них место норм, содержащих возможность выбора.

Общепризнанным является деление норм по степени категоричности предписаний на императивные и диспозитивные, по степени определенности – на абсолютно-определенные и относительно-определенные, по форме выражения диспозиции – на управомочивающие, обяза-